

РАЗВИТИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Этнолингвистика (от греч. *ἔθνος* — народ, племя и *лингвистика* — направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. В более широком понимании этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления. Центральными для этнолингвистики являются следующие две тесно взаимосвязанные проблемы, которые можно назвать «когнитивной» (от лат. *cognition*-познание) и «коммуникативной» (от лат. *communication* — общение) [1].

Как самостоятельное направление этнолингвистика возникла в США в конце XIX — начале XX вв. В рамках так называемой «культурной антропологии» (или, по американской традиции, собственно «антропологии», от греч. *anthropos* человек) — человек комплексной науки, предметом которой является всестороннее исследование культуры с использованием этнографических, лингвистических, археологических и др. методов. Поэтому в рамках, ориентированных на американскую традицию, вместо термина «этнолингвистика» (или наряду с ним) часто употребляют термин «*антропологическая лингвистика*» — для исследований, посвященных преимущественно когнитивной проблематике, или термин «*лингвистическая антропология*» — для исследований, посвященных преимущественно коммуникативной проблематике.

Этнолингвистика в славистике — сравнительно новая дисциплина; ее задачи, предмет и объект, методы, соотношение с другими гуманитарными дисциплинами сформулировал Н.И. Толстой. Он дал два определения этнолингвистики — одно узкое: «Этнолингвистика есть раздел языкознания или — шире направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции». Здесь этнолингвистика понимается как раздел языкознания и объектом ее считается язык в его отношении к культуре. Второе определение — широкое, в котором этнолингвистика понимается как комплексная дисциплина, предметом изучения которой является «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.).

Аналогия между языком народной культуры и естественным языком обнаруживает себя во многих существенных отношениях (семантическом,

функциональном, прагматическом, структурном), поэтому применение лингвистических категорий и методов к материалу культуры, ее «словарю», «грамматике» и «текстам» может быть полезным как для фольклора и этнографии, так и особенно для комплексного изучения народной традиции, ее смыслов и «содержания», в каких бы формах и жанрах они себя не выражали. Именно такой подход лежит в основе славянской этнолингвистики, наиболее последовательно развиваемой двумя научными школами — московской школой Н.И. Толстого и люблинской школой Ежи Бартминского [18].

Объектом изучения широкой этнолингвистики является уже не только язык (хотя он признается главным выразителем и хранителем культурной информации во времени), но и другие формы и субстанции, в которых выражает себя коллективное сознание, народный менталитет, сложившаяся в том или ином этносе или вообще социуме «картина мира», т.е. «широкой» этнолингвистикой становится вся народная культура, все ее виды, жанры и формы — вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования).

Предметом этнолингвистики является содержательный план культуры, ее семантический (символический) язык, ее категории и механизмы.

Цель этнолингвистики — семантическая реконструкция традиционной (архаической, дохристианской, мифопоэтической в своей основе) картины мира, мировоззрения, системы ценностей [2].

История становления этнолингвистики

Сам термин этнолингвистика и этнолингвистический подход, как отмечает Н.И. Толстой, не новый. Историки языкознания справедливо обнаруживают некоторые этнолингвистические идеи уже у И.Г. Гердера (XVIII в.) и не менее знаменитого В. Гумбольдта (нач. XIX в.). В. фон Гумбольдт, отмечая, что отношение человека к предметам «целиком обусловлено языком», в развитие этого тезиса пишет он далее: «Тем же самым актом, посредством которого он (человек) из себя создает язык, он отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг». В последующий период развития языкознания это положение не нашло своего отражения и дальнейшего развития (хотя никогда полностью не забывалось; например, в русской филологической науке прошлого также была достаточно сильная линия, которую мы сейчас определили бы как этнолингвистическую, встречается в рамках работ А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева), но во второй четверти XX в., независимо друг от друга, возникло два направления, которые указанные идеи положили в основу своих теоретических построений и практической исследовательской работы.

Философской основой стало неокантианское учение, согласно которому понятия не являются отражением объективной реальности, а

представляют собой продукты символического познания, обусловленного языковыми знаками и символами. Общефилософское обоснование исследовательских принципов этого направления изложено в работах *Эрнста Кассирера* (1874–1945; наиболее полно в первом томе трехтомного труда «Философия символических форм», 1923), а собственно лингвистическое воплощение эти принципы нашли в работах Иоста Трира и особенно Лео Вайсгербера («О силах немецкого языка») (первое издание 1949–1950 гг.), «О мировоззрении немецкого языка» (1950).

К разработке понятия языковой картины мира Л. Вайсгербер приступил в начале 30-х годов XX в. Особенно важно подчеркнуть работу «Связь между родным языком, мышлением и действием» (1930). Л. Вайсгербер еще не делал чрезмерного акцента на мировоззренческой стороне языковой картины мира, поскольку в это время он еще не оставлял в тени ее объективный источник — внешний мир.

Со временем Л. Вайсгербер оставит в стороне объективную основу языковой картины мира и начнет подчеркивать ее мировоззренческую, субъективно-национальную, идиоэтническую сторону, проистекающую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир, та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. Сам же мир будет оставаться в тени этой точки зрения.

Начиная с 50-х годов XX века ученый станет высвечивать в языковой картине мира ее «энергетический» (от «энергея» В. Гумбольдта) аспект, связанный с воздействием картины мира, заключенной в том или ином языке, на познавательную и практическую деятельность ее носителей, тогда как в 30-е годы XX века он делал упор на «эргоническом» (от «эргон» В. Гумбольдта) аспекте языковой картины мира.

Чем в большей тени оставлял Л. Вайсгербер объективный фактор формирования языковой картины мира — внешний мир, тем больше он превращал язык в некоего демиурга, который сам создает мир.

Рассмотрим взгляды польской этнолингвистической школы на исследование языковой картины мира.

Польская этнолингвистика, возглавляемая ныне профессором Ежи Бартминьским (Люблин — Варшава), имеет основательную научную традицию. Предшественницей Е. Бартминьского является Анна Вежбицкая, хорошо знакомая с Московской семантической школой. Польская этнолингвистическая школа в целом тесно связана с Московской семантической школой и с Этнолингвистической школой Никиты Ильича Толстого. Фольклорные и диалектологические исследования в рамках Этнолингвистической школы Н. И. Толстого, как правило, являются диахроническими, т.е. опираются на этимологические и историко-культурные данные. Такой подход характерен и для работ Е. В. Брысиной, которая неоднократно ссылается на работы Н. И. Толстого. Автор всегда подчеркивала роль фольклорного и особенно диалектного материала в

исследованиях языковой картины мира: «При изучении диалекта в лингвокультурологическом аспекте предметом исследования будут выступать все языковые знаки, способные выполнять функцию «языка» культуры и отображать культурно-национальную ментальность ее носителей (паремиологический фонд диалекта, фразеологический фонд, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы, мифологизированные языковые единицы, речевое поведение диалектоносителей)» [8, с. 52].

Названные славянские школы — Этнолингвистическая школа Н. Толстого, Польская этнолингвистическая школа, Московская семантическая школа — связаны между собой, в первую очередь своим происхождением.

Основателем славянской этнолингвистики считают Н. И. Толстого. Ученый дал определение этнолингвистике, основал Московскую этнолингвистическую школу, которая впоследствии получила широкое распространение в других славянских странах. Н. И. Толстой был автором концепции славянской языковой ситуации, его идеи лежат в основе этносоциolingвистики. С 1968 он преподавал в [МГУ](#), работал в [Институте славяноведения и балканистики АН СССР](#) и, конечно, был знаком с идеями Московской семантической школы. Представители этой школы работали в русле когнитивной лингвистики, однако многие их работы посвящены этнолингвистической специфике того или иного языка.

Большинство российских лингвистических школ имеют структурно-семиотическую и когнитивную направленность. Их закономерным развитием является Польская этнолингвистическая школа, создатель которой Е. Бартминский называет ее когнитивной этнолингвистикой. Польская этнолингвистическая школа синтезирует синхронический и диахронический подходы, но, в отличие от Этнолингвистической школы Н.И. Толстого, когнитивная этнолингвистика исследует не только традиционную, но и современную языковую картину мира.

По словам Е. Бартминьского, «задачей этнолингвистики является «субъектная» реконструкция культуры и изучение менталитета ее носителей (субъектов), их способ концептуализации мира, воплощенных в языке. Этнолингвистика... не ограничивается только диалектами и народной традицией, она охватывает все разновидности общенародного языка, в том числе наддиалект — литературный язык во всем его историческом и современном богатстве (разновидности, стили, речевые жанры)» [18, с. 33–34] унифицировать ссылки!

В настоящее время под руководством Е. Бартминьского выполняются два больших проекта: «Słownik stereotypów i symboli ludowych» («Словарь народных стереотипов и символов» — Т. 1, Z. I-III. Lublin, 1999–2013) и «Metody analizy JOS w kontekście badań porównawczych» («Методы анализа языковой картины мира в свете сравнительных исследований»), итог которого — «Lexicon etnolingwistyczny Słowian i ich sąsiadów»

(«Этнолингвистический словарь славян и их соседей», 2015). Первый из проектов посвящен исследованию традиционной картины мира, в то время как второй — непреходящим ценностям по данным современных литературных славянских языков: «дом», «Европа», «свобода», «труд», «честь».

«Этнолингвистика оперирует понятиями языковой стереотип и языковая (культурно-языковая) картина мира. Источниками сведений для этнолингвистики являются системные языковые данные, касающиеся грамматики и лексики, закрепленных в тексте языковых норм, а также "околоязыковые" данные (тексты, особенно трафаретные; фиксации народных поверий, мифов, обрядовых действий; система духовных ценностей)» [18, с. 33–34].

Из сказанного выше следует, что центральными для Польской этнолингвистической школы являются понятия *языковая картина мира*, *языковой стереотип* (= концепт).

Под *языковой картиной мира* Е. Бартминьский понимает «заключенную в языке интерпретацию действительности, которую можно представить в виде комплекса суждений о мире. Это могут быть суждения либо закрепленные в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (например, пословицах), либо имплицированные формой и текстами языка» [18, с. 88].

Таким образом, профилирование — это субъективная концептуализация, разные точки зрения на признаки — составляющие объективной характеристики предмета или явления. Именно в понятии профилирования связь люблинской этнолингвистики с когнитологией проявляется наиболее выразительно: «...когнитивная структура подвергается некоторому варьированию. Профилирование обусловлено прежде всего возможностью разной категоризации предмета, включения его в разные классы. ... Куколь, василек или ромашка могут быть истолкованы как сорняки, как цветы, как трава, наконец, вообще как растения — и соответственно этому получают в дефинициях характеристики под несколько разными углами зрения» [18, с. 51].

Примером профилирования является этностереотип немца в Польше: на базе прототипического образа немца в польской культуре и языковой картине мира существует несколько стереотипов (= профилей = «социально закрепленных точек зрения»), которые отличаются временем возникновения и средой носителей: простого человека (модель немца как «чужого»); сформированного в сарматской культуре шляхтича (модель немца-«плюдрака»); польского патриота, который защищает национальную независимость (модель немца — завоевателя и врага); жертвы военного насилия (модель немца — гитлеровца, преступника); молодого интеллигента, ищущего свое место в современном мире (модель немца как трудолюбивого, богатого и культурного европейца) [18, с. 252–278]).

Говоря о профилировании этностереотипа немца в польской культуре, нельзя не отметить образцовую продуманность применяемых в рамках люблинской школы психолингвистических методик. Анкетирование для выявления названного этностереотипа проводилось несколько раз в разные годы в течение определенного периода времени и было безусловно достаточным по количеству информантов. Анкета включала 10 тщательно продуманных заданий: 1) запиши значение слова *немец*; 2) запиши слова, которые можно использовать вместо слова *немец*; 3) назови черты, которые, по твоему мнению, наилучшим образом характеризуют типичного немца; 4) назови черты, которые, по твоему мнению, наилучшим образом характеризуют эталонного (каким он должен быть) немца; 5) перечисли предметы, характерные для немца; 6) закончи предложение: «Х немец, но...»; 7) допиши существительные к прилагательным *немецкий, немецкая, немецкие*; 8) допиши глагол в выражениях *как немец, по-немецки* и объясни значение выражений; 9) приведи известные тебе пословицы о немце; 10) запиши анекдоты о немце, которые ты знаешь.

Приведенная методика послужила основой для многих аналогичных исследований этностереотипов, см., например, [13].

Люблинской этнолингвистической школе в целом свойственно использование психолингвистических методов: они являются неотъемлемой частью исследования структуры концепта (стереотипа) и основой процедуры профилирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. ETNOLINGVISTIKA.html. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika. — Дата доступа: 10.02.16.
2. Tolstaja.html. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/ — Дата доступа: 10.02.16.
3. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М., 1999.
4. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1986.
5. Бартмицкий, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. — М.: Индик, 2005.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2009 [1-е изд. 1998]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>. — Дата доступа: 09.12.2014.
7. Брысина, Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. — Серия 2, Языкознание. — 2012. — № 2 (16). — С. 51-56.
8. Брысина, Е. В. Диалектный словарь как форма отражения языковой картины мира диалектоносителей // Материалы по русско-славянскому языкознанию : междунар. сб. науч. тр., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Цветаевой / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж, 2005. — Вып. 27. — С. 104–109.
9. Брысина, Е.В. Принципы и методы лингвокультурологического описания диалектной фраземики // Русские говоры: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. С. В. Пискунова. — Тамбов, 2008. — С. 21–25.
10. Брысина, Е. В. Этнолингвокультурологические аспекты изучения диалектной фраземики: Основы и традиции этнолингвистических учений // Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. — 2002. — № 1(01). — С. 45–52.

11. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка. Москва, 2002 [1-е изд. 1984] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/lv>. — Дата доступа: 09.12.2014.

12. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru. — Дата доступа: 09.12.2014.

13. Руденко, Е.Н. Поляк и чех глазами белоруса // Актуальныя праблемы паланістыкі-2008. — Минск, 2009. — С. 229–240.

14. [Русский ассоциативный тезаурус](http://tesaurus.ru/dict/dict.php) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php>. — Дата доступа: 09.12.2014.

15. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. — М., 1983.

16. Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка. — Киев, 1989.

17. Шанский, Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971.

18. Bartminski, J. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. — London, 2009.

19. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński, zast. redaktora: S. Niebrzegowska. — T. 1. Kosmos. — Cz. 1-3. — Lublin, 1999.